

книга

первая

*Молодая принцесса была прекрасна,
как дневной свет, прекраснее,
чем сама королева.*

Пальцы Зимы превратились в ледышки. Холодные, как космос. Как темная сторона Луны. Как...

«...камеры слежения засекли его, когда он проник в центральную клинику Артемизии через служебный вход...»

Маг Эймери Парк говорил размеренно и монотонно, будто читал длинную балладу. Нить повествования ускользала, слова расплывались. Зима пошевелила пальцами ног, опасаясь, что они окаменеют, а то и вообще отвалятся, ведь она была в туфельках на тонкой подошве.

«...и пытался выкрасть одну из пустышек. В настоящее время объект находится под охраной...»

Отломятся. Один за другим.

«...согласно архивным данным ребенок-пустышка — сын обвиняемого; изъят 29 июля прошлого года. Сейчас ему пятнадцать месяцев».

Зима спрятала руки в складках платья. Они снова дрожали. В последнее время ее то и дело бил озноб. Она стиснула пальцы и крепче прижала ступни к жесткому полу. Оглядела тронный зал, пытаясь сосредоточиться, но стены перед ее глазами тоже расплывались.

Пожалуй, во всем городе не найти ничего более впечатляющего, чем тронный зал. Зима видела, как в озере отражается белый дворец, а дальше — и весь город Артемизия, простирающийся до самого края огромного прозрачного купола, надежно защищающим город от окружающего его космоса. Тронный зал уступом выдавался за стены башни и, шагнув за границу мозаичной плитки, ты оказывался на стеклянном полу и словно парил над бездонной пропастью.

Слева от Зимы на троне, высеченном из белого камня, восседала ее мачеха. На подлокотниках виднелись глубокие царапины. Обычно во время судебных разбирательств королева Левана оставалась невозмутимой и безучастной и лишь постукивала ногтями по гладкому камню, а не вонзала их яростно. Однако с тех пор, как Левана со своей свитой вернулась с Земли, напряжение зашкаливало, и мачеха впадала в бешенство гораздо чаще. Все из-за побега той девушки-киборга... И, конечно, из-за войны с Землей. А, самое главное, из-за того, что жениха Леваны похитили — ведь вместе с ним исчезла и возможность стать императрицей.

Над горизонтом мерцала голубая планета, наполовину скрытая тенью. Долгая лунная ночь перевалила за половину. Город сверкал огнями бледно-голубых фонарей и освещенными окнами. Мириады светящихся искр отражались в поверхности озера. Но Зима скучала по солнцу и теплу. Искусственные дни не сравнить с настоящими.

— Как он узнал о пустышках? — спросила королева Левана. — Почему не поверил, что его сын убит при рождении?

Вокруг трона в четыре ряда сидели лучшие семьи города — королевский двор, местная знать. Королева Луны благоволила им за преданность двору, которую они хранили поколениями, за особо выдающийся лунный дар или просто потому, что им посчастливи-

лось родиться в великой и прекрасной Артемизии. Возле мага на коленях стоял человек, в отчаянии ломая руки. Ему повезло гораздо меньше. Если бы Зима могла, она сказала бы несчастному, что его мольбы напрасны. Она считала: лучше сразу знать, что смерть неизбежна. Те, кто, это понимал, легче принимали свою участь.

Зима посмотрела на свои пальцы, сжимавшие тонкую белую юбку. Они совсем заледенели. Это было даже красиво. Блестящие, мерцающие и такие холодные...

— Королева задала вопрос! — маг повысил голос, обращаясь к тому, кого допрашивал.

Зима вздрогнула, как будто он крикнул на нее. Сосредоточиться. Нужно сосредоточиться. Она подняла голову и сделала глубокий вдох.

Эймери, облаченный во все белое, стал главным королевским магом, заняв место погибшей Сибил Миры. Он расхаживал мимо пленника, и золотая вышивка поблескивала на его плаще.

— Простите, Ваше Величество, — заговорил обвиняемый. — Моя семья вот уже несколько поколений служит вам верой и правдой. Я работал уборщиком в той клинике... Ходили разные слухи, но меня это не касалось, я не обращал внимания, даже не прислушивался никогда. Но... когда мой сын родился пустышкой... — он всхлипнул. — Он ведь мой сын.

— А ты не подумал, — голос Леваны звучал громко и жестко, — что есть причина, по которой королева держит твоего сына и других лишенных дара лунатиков отдельно от других граждан? Что, поступая так, мы преследуем особую цель? Что все это для блага нашего народа?

Обвиняемый слотнул, дернув кадыком.

— Я знаю, моя королева. Я знаю, что вы используете кровь пустышек для... экспериментов. Но... но их у вас так много, а он всего лишь младенец и...

— Дело не только в том, что эта кровь необходима для нашего политического союза, выгоды которого уборщику из внешнего сектора не понять. Дело в том, что твой сын — пустышка. А пустышки, как известно, ненадежны и опасны. Вспомни убийство короля Маррока и королевы Джаннали восемнадцать лет назад. И ты снова хотел подвергнуть нас подобной угрозе?

Глаза мужчины стали совсем безумными от страха.

— Угрозе, моя королева? Он же младенец! — Пленник помолчал. Он вовсе не выглядел мятежником, но угрызений совести явно не испытывал, чем и приводил Левану в ярость. — И другие дети в резервуарах... там так много детей. Невинных детей!

В зале стало еще холоднее.

Он знал слишком много. Указ об истреблении пустышек приняла сестра Леваны, королева Чэннери, после того как один из лишенных дара пробрался во дворец и убил их родителей. Однако вряд ли кому понравится, что его детей держат в особом хранилище и используют как доноров.

Зима попыталась представить себя на их месте. Она снова посмотрела на свои руки — вот уже и запястья заледенели. Вряд ли это полезно для конвейерных лент, производящих тромбоциты.

— У обвиняемого есть семья? — спросила королева.

Эймери кивнул.

— Дочери девять лет. Еще у него есть две сестры и племянница. Все живут в Секторе ГШ-12.

— А жена?

— Умерла пять месяцев назад от реголитовой болезни.

Стоя на коленях, заключенный с отчаянием смотрел на королеву. Суд затянулся. Придворные заскучили, начали вертеться и болтать, их пестрые наряды шуршали. Левана откинулась на спинку трона.

— Ты виновен в проникновении на секретный объект и попытке совершить кражу. Эти преступления караются немедленной смертью.

Мужчина вздрогнул, но взглядом все еще молил о пощаде... Они всегда не сразу понимают, что обречены.

— Каждый член твоей семьи получит дюжину ударов плетью как напоминание вашему сектору: я не потерплю нарушения моих приказов.

Обвиняемый открыл рот, как будто собирался заговорить.

— Твою дочь отдадут в одну из придворных семей. Она научится послушанию и смирению — тому, чему ты ее научить не удосужился.

— Нет, умоляю! Позвольте ей остаться с семьей! Она же ничего не сделала!

— Эймери, продолжай.

— Умоляю!..

— Королева приняла решение, — сказал маг Эймери. — И оно не подлежит обжалованию.

Он вынул из широкого белого рукава обсидиановый нож и рукоятку вперед подал заключенному, чьи глаза расширились от ужаса.

В зале стало еще холоднее. Дыхание Зимы превратилось в крохотные кристаллы льда. Она обхватила себя руками.

Пленник взял нож; его рука не дрогнула, хотя он весь трясся.

— Пожалуйста... моя маленькая девочка... у нее нет никого, кроме меня... Умоляю... моя королева... Ваше Величество!..

Он приставил нож к своему горлу.

В этот момент Зима всегда отворачивалась. Всегда отводила взгляд. Она смотрела на свои пальцы, спрятавшиеся в складках платья, на ногти, впившиеся в тело сквозь ткань. Ледяной холод поднимался от запястий к локтям.

Зима представила, как бросается на королеву, как обрушивает на нее ледяные кулаки. И как ее руки разбиваются на тысячи ледяных осколков.

Лед уже сковал плечи и шею.

Но даже сквозь потрескивание льда она различила звук рассекаемой плоти. Бульканье крови. Сдавленный стон. Глухой стук упавшего тела.

Холод проник в ее грудь. Она зажмурилась, уговаривая себя успокоиться, напоминая, что нужно дышать. Вспомнила твердый голос Ясина, представила, как он обнимает ее за плечи. *Это все не по-настоящему, принцесса. Это все иллюзия.*

Обычно это помогало прогнать жуткие видения. Но на этот раз стало только хуже. Холод все быстрее завладевал ее телом, сжимал тисками сердце. Ледяные иглы пронзали живот.

Она замерзала изнутри.

Слушай мой голос.

Но Ясина здесь не было.

Останься со мной.

Ясин погиб.

Это все в твоей голове.

Она слышала, как гвардейцы, стуча сапогами, подошли к телу. Подтащили его к выступу. Толчок, далекий всплеск внизу.

Придворные вежливо похлопали. Зима чувствовала, как ее пальцы отламываются. Один за другим.

— Очень хорошо, — сказала Левана. — Маг Тавалер, проследи, чтобы остальная часть приговора также была исполнена.

Лед сковал горло, подобрался к подбородку. Слезы замерзли в протоках. Слюна застыла во рту.

Зима подняла голову, когда услышала, что слуга начал отмывать пол от крови. Эймери вытер нож и поймал ее взгляд. Его улыбка обжигала.

— Боюсь, принцессе все это не по душе, — заметил он.

Придворные начали пересмеиваться: над отвращением Зимы к судам потешался весь двор. Королева повернулась к Зиме, но та не могла поднять взгляд. Она вся теперь как будто была изо льда и стекла. Хрупкие зубы, крошащиеся легкие.

— Да, — кивнула Левана. — Иногда я вообще забываю, что она здесь. Ты так же бесполезна, как тряпичная кукла, да, Зима?

В зале снова раздались смешки, на этот раз громче, как будто королева официально разрешила насмехаться над юной принцессой. Зима не могла ответить ни королеве, ни насмешникам. Она не могла отвести взгляд от мага, тщетно пытаясь скрыть подступивший страх.

— О, нет, не так уж она бесполезна, — возразил Эймери. Зима ясно увидела, как тонкая алая линия пересекла его горло, из раны хлынула кровь. — Настанет день, и самая красивая девушка на Луне осчастливит одного из придворных, став его невестой.

— Самая красивая девушка, Эймери? — тон Леваны был легким, но в ее голосе слышалась плохо сдерживаемая злоба.

Эймери низко поклонился.

— Просто красивая, моя королева. Разумеется, никто из смертных не посмеет спорить с тем, что ваша красота совершенна.

Двор тут же подхватил его слова, осыпая Левану комплиментами, но Зима все еще чувствовала на себе плотоядные взгляды.

Эймери шагнул к трону. Его отрубленная голова все еще улыбалась, когда слетела с плеч, со стуком упала на мраморный пол. Покатилась и замерла у заледеневших ног Зимы. Принцесса всхлипнула, но рыдания застряли в ее замерзшем горле.

Это все в твоей голове.

— Хватит! — велела Левана, утомленная похвалами. — Мы закончили?

Холод достиг глаз Зимы, она сомкнула веки, прогоняя видение обезглавленного Эймери, и погрузилась в холод и тьму. Она умрет, не проронив ни слова. Здесь и сейчас. Зато ей больше никогда не придется смотреть на все эти убийства.

— Остался еще один заключенный, моя королева. — Голос Эймери гулким эхом отдавался в холодной пустоте. — Сэр Ясин Клэй, королевский гвардеец, пилот и личный охранник мага Сибил Миры.

Зима ахнула, и лед разбился. Тысячи острых сверкающих осколков разлетелись по тронному залу, заскользили по полу. Никто, кроме нее, этого не слышал. Никто, кроме нее, этого не видел.

Эймери — и голова его была на месте — снова за ней наблюдал, он ждал ее реакции. Слегка усмехнувшись, он посмотрел на королеву.

— Ах, да, — сказала Левана. — Приведите его.

Двери распахнулись, и два гвардейца ввели Ясина со связанными за спиной руками. Его светлые волосы спутались, прилипли к лицу. Он был изможденным, грязным, но следов побоев Зима не заметила.

Внутри у нее все ожило и затрепетало. Тепло вернулось, растекаясь по венам.

Останься со мной, принцесса. Слушай меня, принцесса.

Ясина вывели на середину зала. Зима сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Он выглядел бесстрастным, невозмутимым и ни разу не посмотрел на нее.

— Ясин Клэй, — объявил Эймери, — обвиняется в предательстве, в том, что не сумел защитить мага Миру и провалил арест известной беглянки, несмотря на то что целых две недели провел рядом с ней. Вы предали Луну и нашу королеву. Это карается смертью. Что вы можете сказать в свою защиту?

Сердце Зимы колотилось как бешеное. Она с мольбой смотрела на мачеху, но Левана не обращала на нее внимания.

— Я признаю свою вину, — произнес Ясин, — но возражаю против обвинения в предательстве.